Муниципальное казенное учреждение культуры
«Петровская централизованная библиотечная система»
Методико-библиографический отдел

12+

«ХРАНИТЕЛЬ РОДНОЙ РЕЧИ»

К 125-летию со дня рождения советского лингвиста Сергея Ивановича Ожегова

Светлоград, 2025.

В истории отечественной филологии XX века есть страницы, казалось бы, всем хорошо известные. Кажущиеся сегодня хрестоматийными труды Алексея Шахматова, Льва Щербы, Бориса Ларина, Виктора Виноградова вызывают не просто уважение, но трепетное восхищение. Эти люди творили в эпоху социальных бурь, когда рушились устои и переписывались идеалы. Сохранить верность науке, не предать её принципы в годы идеологических вихрей – подвиг, доступный лишь избранным.

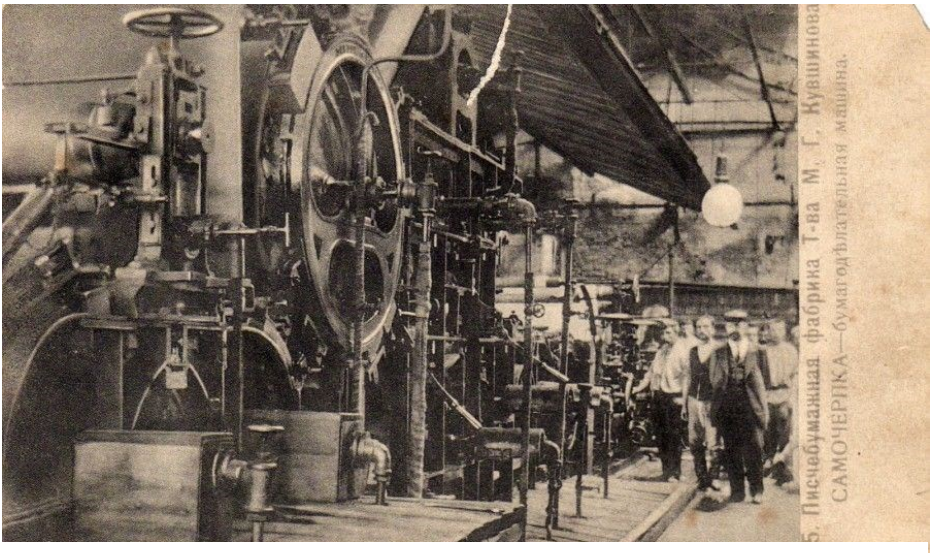
И среди этих имен уже более полувека у всех на устах имя Сергея Ивановича Ожегова – историка русского литературного языка и лексиколога, педагога, мудрого наставника и просто живого и близкого многим человека. В его судьбе – отражение драмы целого поколения, пережившего две войны (Гражданскую и Великую Отечественную), но не сломавшегося под их тяжестью. Для современников он олицетворял саму суть русской словесности: от инженера, сверяющего значения терминов по его словарю, до школьного учителя, объясняющего нормы речи.

Данное пособие содержит библиографический список использованных источников, который поможет найти дополнительную информацию о жизни и творчестве Сергея Ивановича Ожегова.

Сергей Ожегов родился 23 сентября 1900 года в поселке Каменном Новоторжского уезда Тверской губернии, где отец его, Иван Иванович, работал инженером-технологом на местной фабрике. В одном из цехов этой фабрики была установлена бумагоделательная машина, которую смонтировал отец будущего ученого.

Известно, что первое издание словаря Ожегова (1949) напечатали на кувшиновской бумаге, которая была изготовлена на еще сохранившейся в ту пору отцовской машине.

Фамилия «Ожеговы» происходит от слова «`ожег» – «деревянная печная кочерга». По семейному преданию, предки Ожеговых были выходцами с уральских заводов, кто -то из них, мастеровой человек, носил прозвище «Ожег». Отсюда и пошла фамилия: «Чьи?» – «Ожеговы». На Урале до сих пор широко распространены фамилии «Ожеговы», «Ожиговы». Дед Сергея Ивановича более полувека работал на Екатеринбургском заводе, имел четырнадцать сыновей и дочерей, и все они получили высшее образование.



Писчебумажная фабрика, на которой работал Иван Иванович Ожегов. 1900-е годы

В семье, кроме Сергея, росли два младших брата – Борис и Евгений.

Дом Ожеговых. 2008 год

В канун Первой мировой войны семья Ожегова переезжает в Петроград, где он заканчивает гимназию. По словам Сергея Сергеевича, сына Ожегова, у отца была «бурная, горячая молодость»: он увлекался футболом, только входившим тогда в моду, состоял в спортивном обществе, «еще почти мальчишкой вступил в партию эсеров».

В 1918 году Сергей Ожегов поступает в Петроградский университет. Увлечение именно филологией, возможно, оказалось наследственным.

Со стороны отца в его роду были уральские мастеровые; со стороны матери – предки духовного звания: Александра Фёдоровна (в девичестве Дегожская) была внучатой племянницей известного филолога и педагога, профессора Петербургского университета протоиерея Г. П. Павского. Его «Филологические наблюдения над составом русского языка» повлияли на развитие лингвистической мысли в России XIX в. В своей работе Павский впервые в истории науки на фактическом материале выделил словообразовательные элементы имени и глагола, разработал оригинальную теорию глагольного вида, показал внутренние связи лексики и

Протоиерей Герасим Петрович Павский

грамматики. Его работа была удостоена Демидовской премии и издана дважды. Так Императорская Академия наук почтила труд русского ученого.

Сергей Иванович осознавал своё призвание с юных лет. Внутренний порыв продолжить научную традицию рода и воспитание матери, привившей любовь к слову, предопределили его судьбу. Тогда надо было иметь немалое мужество, чтобы в голодные страшные годы посвятить свое будущее науке.

Но начавшиеся университетские занятия были скоро прерваны – Ожегов был призван на фронт. Судьба ему предоставила по-настоящему мужское испытание, которое он выстоял, участвуя в боях на западе России, у Карельского перешейка, на Украине.

Окончив военную службу в 1922 году в штабе Харьковского военного округа, он сразу же приступил к занятиям на факультете языкознания и материальной культуры в Петроградском университете. В 1926 году он завершает курс обучения и поступает в аспирантуру. Ближайшие годы он усиленно занимается языками и историей родной словесности, слушает лекции С. П. Обнорского в Институте истории литератур и языков Запада и Востока в Ленинграде.

К этому времени относятся его первые научные

опыты. С. И. Ожегов задумал подготовить интересный тезаурус, который в своих заметках назвал так: «Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник». Это могло быть, по сути, не только лингвистическим, но и документальным свидетельством жизни языка в то сложное время, которое рождало новые слова: *керенка*, *мешочник*, *самокритика*, *заградиловка*, *рабфак*. Учёный разрабатывал для такого словаря систему стилистических помет, принципы акцентуации и определения значения слова. Хотя этот Словарь не был опубликован, но он сыграл важную роль в профессиональной подготовке С. И. Ожегова, явившись своеобразным предвестником будущей капитальной работы авторского коллектива под руководством Д. Н. Ушакова.

С конца 1920-х годов Ожегов работает над большим проектом – «Толковым словарем русского языка», Ушаковским словарем, как называли его позже. Это было время исключительно плодотворным для Ожегова, он был буквально влюблен в словарную работу. Здесь он прежде всего заботился о преемственности духовных традиций, о создании нормативной базы лексикографического описания языка, о приобщении к словесной культуре всех слоёв населения. Окружавшие его коллеги, столь разные по своим научным интересом и по положению, такие, как: Григорий Осипович Винокур, Виктор Владимирович Виноградов, Борис Александрович Ларин,

Борис Викторович Томашевский и, прежде всего, Дмитрий Николаевич Ушаков – помогали и в какой-то мере воспитывали Сергея Ивановича Ожегова.

Как же работали учёные в те годы без электронных картотек и программ? Ожегов вспоминал: «Толковый словарь начался на голом месте. …мы читали газеты, военные уставы, политическую литературу, списки профессий, сельскохозяйственные книжки, «Цемент» Гладкова и стихотворения в прозе, фельетоны Кольцова и купеческие романы Лейкина». Д. Н. Ушаков, например, «знал наизусть по всем редакциям “Горе от ума”». Многое правили с ходу. Так, при редактировании слова *мадемуазель* для иллюстрации первого значения («слово, присоединяемое к фамилии девушки, аристократического, буржуазного круга, в знач. барышня, девица») в черновом варианте словарной статьи

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета

давался такой пример: «Спросите у мадемуазель Сидоровой». Редакторы быстро сообразили, что фамилия Сидорова едва ли сопоставима с «аристократическим кругом», и её заменили на цитату из Грибоедова: «Ну как перевести «мадам» и «мадмуазель»? Ужель «сударыня»?».

Большой проблемой для составителей было включение духовных, религиозных понятий и явлений и вообще отражение культурного быта старой эпохи. Библия, Бог… – эти слова нам представляются совсем обычными теперь. А в 1930-е гг. их печатное утверждение в нормативном словаре литературного языка могло окончиться трагедией для авторов. Один такой эпизод воспроизвёл Ушаков на заседании Отделения литературы и языка АН СССР 26 мая 1939 г.: «Есть очень серьёзное соображение насчёт религиозных слов… Сейчас особенно доказывать это как будто не приходится, но всё-таки иногда встречаются лица, которые советуют, что число их надо уменьшить. У нас статья на слово бог была полтора столбца. «Много!» – говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в боге-то фразеология и важна была. Мы ничего не смогли сделать и выпустили очень много». Но всё же самоотверженная позиция авторов и главного редактора первого нормативного словаря советской эпохи позволила им сохранить подлинный дух словотворчества и закрепить в истории то, что ей по праву принадлежит.

Первый том словаря Ушакова вышел в 1935 году; последний, 4-й том, – в 1940-м. Это было настоящим событием в научной жизни.

К Дмитрию Ушакову Ожегов питал особое чувство, боготворил, любил и почитал этого легендарного русского ученого, исключительного педагога, самобытного художника, собирателя и любителя народной старины, мудрого и мужественного человека, почти забытого сейчас. Нам сложно

понять, какая ответственность лежала на нем, когда была задумана идея издать один толковый словарь советской эпохи, и какие нападки пришлось всем им вынести. «Литературная газета» возмущается включением в него слов и выражений «брезгун», «втрескаться», «катись колбасой». Словарь (и ученых-составителей) клеймят за «буржуазное и мелкобуржуазное мышление».

Вот как сообщал об этом Ожегов в письме Ушакову от 24 декабря 1935 года, имея в виду М. Аптекаря, их «штатного» обвинителя: «Основные положения «критики»: политически незаостренный, беззубый, демобилизирующий классовую борьбу <> Хулиганско-кабацкая терминология тоже «разоружает». Причина – неисправимый индоевропеизм, буржуазное и мелкобуржуазное мышление <> Будет еще бой! <> А вообще много было курьезного и преимущественно мерзкого, гнусного. Несмотря на всю гнусность <> все эти мнения отражают хоть боком известные настроения, с которыми надо считаться, тем более, что они вполне реальны». Были споры и между самими авторами, имевшими различные, порой непримиримые позиции. Ожегов, по своему душевному складу очень деликатный и мягкий, немало помогал Ушакову, «сглаживая углы». Недаром в среде «ушаковских мальчиков» (так называли

Дмитрий Николаевич Ушаков

учеников Ушакова) он слыл большим дипломатом и имел прозвище Талейран.

В 1935 году Сергей Ожегов познакомился с другим корифеем отечественной лингвистики – Александром Николаевичем Реформатским.

«Филология – дело веселое», – любил повторять Реформатский. Вслед за ним Ожегов стал внимательнее прислушиваться к живому языку улицы, очередей, коммунальных квартир... Тем более что Сергей Иванович, переехав в Москву, волей-неволей вынужден был сменить языковую среду: вместо интеллигентской квартиры на Фонтанке семья оказалась в коммуналке на Смоленском бульваре рядом с незнакомыми соседями, принадлежащими к совсем иному кругу

В 1937–1941 годах С. И. Ожегов преподает в Московском институте философии, литературы и искусства. Его увлекают не только сугубо теоретические материи, но и язык поэзии, вообще художественной литературы, произносительная норма (недаром он вслед за Д. Н. Ушаковым, крупнейшим специалистом по стилистике речи, позже консультирует редакторов на радио). С 1939 года он – научный сотрудник Института языка и письменности, затем Института языкознания АН СССР.

Ожегов слился с Москвой, но все же любил бывать в Ленинграде и гостить у своего проверенного друга, талантливейшего ленинградского филолога Бориса Александровича Ларина.

В Ленинграде жили и два его брата. Их трагическая, исполненная какого-то фатального знамения, судьба и потери родных были еще одним тяжелым испытанием для Ожегова. Испытанием, которое, кажется, он мужественно нес на себе всю жизнь. Младший брат Евгений умер еще до войны,

заразившись туберкулезом. Умерла и его маленькая дочка. Когда началась Отечественная война, средний брат – Борис – по причине слабого зрения не смог уйти на фронт, активно участвовал в оборонительном строительстве и в блокаду умер от голода, оставив после себя жену и двух маленьких детей. Вскоре ушла из жизни и любимая матушка. Но и здесь несчастья не кончились. Однажды бомба попала в квартиру, где жила семья Бориса Ивановича, и на глазах у крошечной дочери погибли маленький брат и мать. Сергей Иванович взял к себе Наташу и воспитал ее как родную дочь. Вот как об этом писал С. И. Ожегов своей тете, Зинаиде Ивановне Ожеговой, в Свердловск 5 апреля 1942 года: «Дорогая тетя Зина! Наверное, не получила ты моего последнего письма, где я писал о смерти Бори 5 января. А на днях получил еще, новое горестное известие. В середине января умер Борин сын Алеша, 26 января мама скончалась, а 1 февраля Борина жена Клавдия Александровна. Никого теперь у меня не осталось. Не мог опомниться. Четырехлетняя Наташа жива, еще там. Вызываю ее к себе в Москву, м<ожет> б<ыть> удастся перевезти. Буду сам пока нянчить…» (из архива Н.С.Ожеговой).

В 1940 году вышел последний, четвертый том «Толкового словаря», а Ожегов уже жил новыми замыслами; один из них, подсказанный Ушаковым, он намеревался осуществить в ближайшие годы. Это был план составления популярного толкового однотомного словаря.

Почему возникла такая идея – создать однотомный «Словарь русского языка»? Дело в том, что к середине 20-х годов XX века не было ни одного однотомного нормативного словаря русского языка. И перед участниками этого проекта стояла задача: создание популярного нормативного «Словаря русского языка», который был бы рассчитан на

широкий круг читателей. Был уже в это время тяжеловесный недоизданный «Словарь Я. К. Грота – А. А. Шахматова», также был уже четырехтомный Словарь Ушакова, а однотомного популярного нормативного Словаря не было. Так, еще до войны, под воздействием словарных идей создался творческий коллектив, куда вошли: Д. Н. Ушаков, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, политические редакторы того времени. Предполагалось, что в Словарь войдет 60 000 слов и работа будет закончена к 1942 году.

Осуществление этого проекта отодвинулась на года. Ученых эвакуировали в августе-октябре 1941 года. Практически весь Институт языка и письменности оказался в Узбекистане. Д. Н. Ушаков сообщал позже об этом путешествии в письме к Г. О. Винокуру: «Вы были свидетелем нашего скоропалительного отъезда в ночь на 14/X. Как мы ехали? Казалось, что плохо (тесно, спали вроде как по очереди…). Два раза в пути, в Куйбышеве и Оренбурге, нам по какому-то распоряжению выдали хлеба по огромной буханке на ч<елове>ка. Сравнить это с той массой горя, страданий и жертв, к<ото>рые выпали на долю тысячам и тысячам других!».

Ожегов остался в Москве. Не прекращая своих занятий, он разработал курс русской палеографии и преподавал его студентам пединститута. В военные годы дежурил в ночных патрулях, охранял родной дом, а впоследствии – Институт русского языка. В эти годы Ожегов исполнял обязанности директора Института языка и письменности, желая хоть в чем-то быть полезным стране. Вместе с другими оставшимися коллегами он организует языковедческое научное общество, изучает язык военного времени. Многим это не нравилось. В письме к Г. О. Винокуру он сообщал: «Зная отношение ко мне некоторых ташкентцев, я и к Вашему молча-

нию склонен относиться подозрительно! Меня ведь винят и в болезни ДН *(т.е. Ушакова),* и за отказ ехать из Москвы, и за создание в Москве «общества» лингвистического, как там, кажется, называют, и еще за многое...».

Оставаясь в столице, Ожегов помогал многим своим коллегам, находящимся в тяжелейших условиях эвакуации, возвратиться в скором времени в Москву для продолжения совместной словарной работы. Не вернулся только Дмитрий Николаевич Ушаков. До последней недели его страшно мучила астма; ташкентская погода отрицательно повлияла на его здоровье, и он скоропостижно умер 17 апреля 1942 года. 22 июня того же года его ученики и коллеги почтили память Дмитрия Николаевича совместным заседанием филологического факультета Московского университета и Института языка и письменности, где были прочитаны проникновенные доклады. В числе выступавших был и Сергей Иванович Ожегов. Он говорил о главном деле жизни своего учителя – «Толковом словаре русского языка».

После победы в Великой Отечественной войне Ожегов занялся своим детищем, «Словарем русского языка». Вместе с ним трудились научные сотрудники Института русского языка Академии наук. Многие до этого работали в Ленинграде, но объединила их война. Чтобы не расстаться в череде послевоенных переездов, в 1947 году Институт русского языка направил письмо Сталину с просьбой не переводить их в Ленинград – это могло подорвать учёные силы, рассредоточить команду.

Институт был оставлен на прежнем месте, и работа продолжилась. Примечательно то, что велась она практически вручную. Прочитывалось огромное количество газет, журналов, произведений русских и советских писателей, изучалась философия того времени.

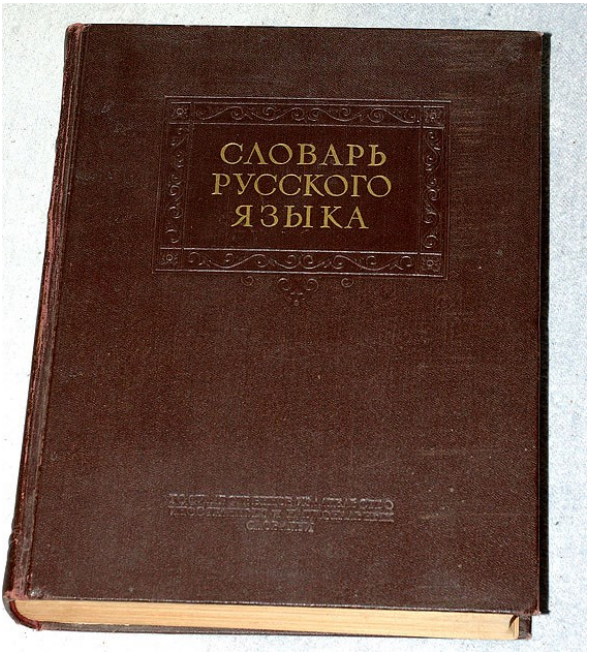
Кроме того, в процессе работы встала главная дилемма – насколько широко можно отражать в Словаре старую лексику – мещанскую, купеческую, духовную. Велись споры и по поводу определений понятий советской эпохи.

Возникало много вопросов к создателям Словаря по поводу включения тех или иных слов. Например, почему нет слова «*продразверстка*» или «*продналог*», а слова «*архимандрит*» и «*иеромонах*» отражены. Критиковались и достаточно жестко не только идеологические слова и словарные статьи, но и простые обычные слова.

Составители, главным делом которых было выпустить Словарь, нередко вынужденно шли на компромиссы.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова увидел свет в 1949 году. Он включал 50 тысяч слов. Титульным редактором издания был академик С. П. Обнорский.

Первое издание этого ставшего уже классическим «тезауруса» сразу же обратило на себя внимание читателей, ученых и критиков. Ожегов получал сотни писем с просьбой прислать словарь, объяснить то или иное словечко. Многие обращались к нему за консультацией и никому ученый не отказывал.



Одно из первых изданий «Словаря»

Он терпеливо отвечал на сотни писем. Вот он разъясня-

ет своему респонденту: «Слово «давеча» – хорошее русское народное слово. В литературном языке ему могут соответствовать слова «недавно», «на днях» и т.п. В разговорной нашей речи всегда можно сказать «давеча», по-народному. Оно не содержит в себе никакой грубости. Его можно встретить в художественной литературе в разговорах действующих лиц».

Письменное общение академического учёного было настолько живым, с неподдельным доверием и уважением к незнакомому собеседнику, что невольно представляешь себе, какой интеллектуальный порыв вызвал у читателей, среди которых было немало иностранцев, «Словарь русского языка». Так, в послании одного из них, студента Шаньдунского университета Сюй Чжэн Хуа, содержались следующие строки: «Я хочу быть Вашим китайским учеником и иметь возможность постоянно получать Ваши наставления. Прошу Вас не отказать мне в этом, дорогой учитель, – позвольте мне назвать Вас так по нашему китайскому обычаю».

В другом письме Ожегов с педагогической пунктуальностью объясняет трудности русского языка:

«Дорогой товарищ Ван Яо Тин!

Вы просите меня сообщить, есть ли в русском языке слово «счастный».

Вполне логично предположить, что если есть противопоставление слова «несчастливый» – «счастливый», то должно существовать такое же противопоставление слова «несчастный» – «счастный».

Так оно и было. В XVI–XVII веках слово «счастный» существовало в русском языке. Почему же оно исчезло из языка и перестало употребляться? Потому, что слова «счастный» и «счастливый» были сходными по значению словами, полными синонимами, но слово «счастливый», бу-

дучи прилагательным качественным, лучше выражало мысль. Оно и осталось в языке, а «счастный» исчезло.

Слово же «несчастный» осталось в языке, потому что оно по значению и по употреблению не совпадает полностью со словом «несчастливый».

Если у вас или у Ваших товарищей будут вопросы ко мне, я охотно буду отвечать.

Шлю привет Вам и всем китайским ученикам, так хорошо изучающим русский язык.

С. И. Ожегов».

«…известно, что пролагающий новую дорогу встречает много препятствий», – писал знаменитый предок Сергея Ивановича Г. П. Павский. Так и Ожегов удостоился не только заслуженной похвалы, но и равновесной критики, кстати, весьма тенденциозной. 11 июня 1950 года газета «Культура и жизнь» опубликовала рецензию некоего Н. Родионова с характерным названием «Об одном неудачном словаре». С. И. Ожегов написал ответное письмо редактору газеты, а копию послал в «Правду». В 13-страничном послании нет ни малейшего стремления унизить горе-рецензента. Ученый предъявлял ему обоснованно жесткую, корректную, научную аргументацию, полагался только на научные филологические принципы, и в итоге одержал победу.

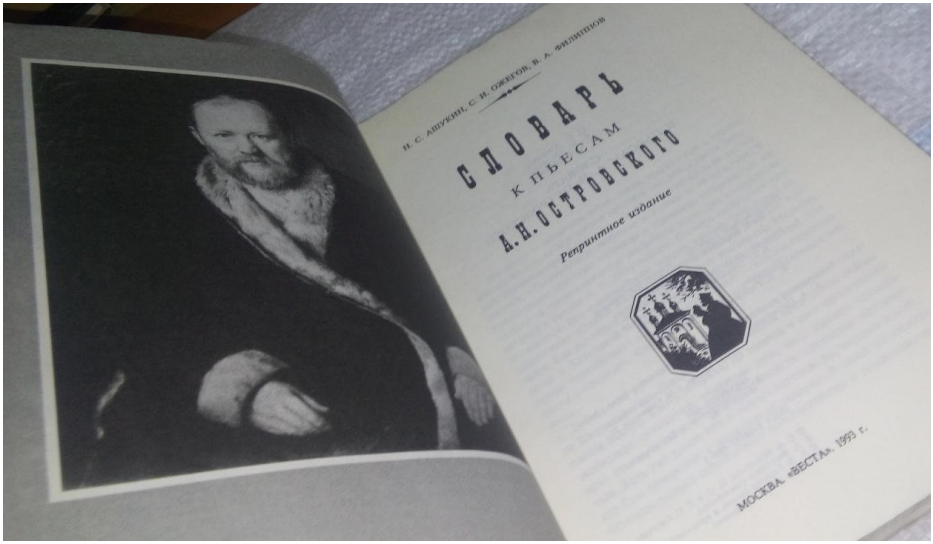
При жизни ученого словарь выдержал восемь изданий. Ожегов над каждым из них тщательно работал, продумывал и просматривал ошибки и недочёты. В архиве Н. С. Ожеговой сохранился любопытный документ – копия письма С. И. Ожегова от 20 марта 1964 года в издательство «Советская энциклопедия», в котором ученый, в частности, пишет: «В 1964 году вышло новое стереотипное издание моего однотомного «Словаря русского языка». Сейчас работает образованная при Отделении литературы и языка АН

СССР Орфографическая комиссия, рассматривающая вопросы упрощения и усовершенствования русской орфографии. В недалеком, по-видимому, будущем эта работа завершится созданием проекта новых правил правописания. В связи с этим я нахожу нецелесообразным дальнейшее издание Словаря стереотипным способом. Я считаю необходимым подготовить новое переработанное издание <...> Кроме того, и это главное, я предполагаю внести ряд усовершенствований в Словарь, включить новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов, получивших новые оттенки значения <…> усилить нормативную сторону Словаря».

Не без споров проходило и обсуждение словаря в академическом кругу. Бывший преподаватель Ожегова, а позднее академик, Сергей Петрович Обнорский, выступивший редактором первого издания словаря, позже не смог разделить позиции Ожегова, а наметившиеся еще в конце 1940-х годов разногласия привели к устранению Обнорского от участия в этом издании. Вот фрагмент письма С. П. Обнорского, проясняющий суть их разногласий: «Конечно, всякая орфография условна. Я понимаю, что в спорных случаях можно условиться там-то писать слитно, или раздельно, или с дефисом, или с малой, или с большой буквы. С этим я соглашаюсь, как мне ни противно по Ушакову читать «причем» (ср. при этом!) (я вижу все-таки «при чем»). Но писать «горий» вм<есто> «горский», «высий» вм<есто> «высший», «вящий» вм<есто> «вящший» это произвол. Это все равно, что условиться «дело» писать через «деко», например. Я на такой произвол идти не могу. Пусть идет кто-нибудь другой, для которого и «корова» можно писать через два ятя и т. д.» Были и издательские разногласия.

«Словарь» Ожегова – эталонный пример по-настоящему народного словаря, запрос на который не иссякал. Однотомный словарь был удобен в использовании, всегда находил место на полке. Словник из 60 тысяч слов, собранный авторами, использовался для создания национальных словарей народов СССР, лёг в основу словарей европейских языков, издававшихся в СССР – лексика была общеупотребительная и актуальная. Прижизненный суммарный тираж «Словаря» Ожегова превысил отметку в 1,5 миллиона экземпляров при восьми изданиях.

Несмотря на регулярные правки, общая концепция и структура оставались неизменными – словарь сохранял ориентацию на массового пользователя, который не знаком с большинством лингвистических терминов. В «Словарь» не входила узкая специальная лексика, не имеющие большой ценности областные слова, просторечные элементы «с явно выраженным вульгарным оттенком», слова народно-поэтической речи, не вошедшие в общий язык.



К 1940-м годам относится ещё один замысел, где талант С. И. Ожегова проявился с иной стороны – как знатока русской классической драматургии. В соавторстве с Н. С. Ашукиным и В. А. Филипповым готовился к изданию «Словарь к пьесам А. Н. Островского», который «в силу запрета со стороны вышестоящих правительственных органов» не был издан и увидел свет лишь спустя много лет – в 1993 году. Его можно назвать энциклопедией русской культуры, путеводителем по быту старинной Москвы, просто «кругом чтения». Какие традиции были в Замоскворечье? Где находился Каменный мост? Кто такой леший? Что такое лучинушка? Как отмечалась Масленица… А какие чудные слова включены в этот «Словарь»: *побасёнка*, *погляденье*, *подполица*, *разлюбезный*, *разрюмиться* (т.е. расплакаться) и многие другие.

1940-е годы были одними из самых плодотворных в жизни С. И. Ожегова. Он много работал, а родившиеся в недрах его души будущие проекты нашли удачное воплощение позднее, в 1950-е годы. Один из них был связан с созданием Центра по изучению культуры речи, Сектора, как его позже назвали. С 1952 года и до конца жизни он возглавляет Сектор, одним из центральных направлений которого стали изучение и пропаганда родной речи. Он и его сотрудники выступали по радио, консультировали дикторов и театральных работников, заметки С. И. Ожегова нередко появлялись в периодической печати, он был постоянным участником литературных вечеров в Доме ученых, приглашая для сотрудничества в Сектор таких корифеев писательского дела, как К. И. Чуковский, Лев Успенский, Ф. В. Гладков, ученых, деятелей искусства. Тогда же начали выходить под его редакцией и в соавторстве знаменитые словари произносительных норм, к которым прислушивались, которые знали и изучали даже в далеком зарубежье.

В 1950-е годы при Институте русского языка появляется новое периодическое издание: научно-популярная серия «Вопросы культуры речи», организатором и вдохновителем которой стал Сергей Иванович Ожегов. Именно на страницах этих книг появилась впоследствии нашумевшая статья Татьяны Григорьевны Винокур «О языке и стиле повести Солженицына “Один день Ивана Денисовича”».

В «Вопросах культуры речи» проходили апробацию работы молодых коллег и учеников Ожегова, ставших затем известными русистами-нормативистами: Юрия Абрамовича Бельчикова и Валерии Леонидовны Воронцовой, Людмилы Карловны Граудиной и Виталия Григорьевича Костомарова, Льва Ивановича Скворцова и Бориса Самойловича Шварцкопфа и многих других.

Внимание и уважение к начинающим исследователям, которые всегда оказывал Ожегов, моральная поддержка, дружеское участие и просто человеческая помощь неизменно привлекали к нему людей. Он умел разглядеть в человеке индивидуальность, что помогло молодежи, сплотившейся вокруг него, – «ожеговцам», «могучей кучке» – творчески раскрыться, подхватить и развить идеи и замыслы учителя.

Еще одним «делом жизни» С. И. Ожегова (наряду с изданием «Словаря русского языка») была организация нового научного журнала «Русская речь» (первый номер вышел после смерти С. И. Ожегова в 1967 году) – пожалуй, самого многотиражного из академических журналов, пользующегося популярностью и заслуженным уважением.

Являясь глубоким академическим специалистом и ведя обширную преподавательскую деятельность (он многие годы работал в МГУ), С. И. Ожегов все же не был кабинетным ученым и с присущей ему доброй иронией живо откликался на новшества в языке рядового человека «космической» эпо-

хи. Он лояльно относился к «словесным проказам» молодежи, прислушивался к ней, хорошо знал и мог оценить литературный, применяемый в особых случаях, жаргон. Примером тому может служить составлявшаяся им совместно с другим знаменитым ученым, А. А. Реформатским, картотека русского мата – научно обоснованное и художественно оформленное исследование социологии языкового обихода городского населения.

В статье, посвященной 90-летию со дня рождения С. И. Ожегова, одна из самых талантливых и преданных его учениц профессор Л. К. Граудина писала: «С. И. Ожегов неоднократно повторял мысль о том, что нужны исследования и постоянно действующая служба русского слова. Обследования состояния норм литературного языка, анализ действующих тенденций и прогнозирование наиболее вероятных путей развития – эти стороны <> «разумной и объективно оправданной нормализации» языка составляют важную часть деятельности отдела культуры речи и в наши дни».

Сергей Иванович Ожегов за работой. 1960-е годы

На основании общего свода его научных работ Высшая аттестационная комиссия присвоила С. И. Ожегову учёные звания доцента (1938), старшего научного сотрудника (1947) и профессора (1961), а также учёные степени кандидата филологических наук (1943) и доктора филологических наук (1958).

Сергей Иванович был членом Комиссии Моссовета по наименованию учреждений и улиц Москвы, Предметной комиссии по русскому языку Министерства просвещения РСФСР, заместителем председателя Комиссии АН СССР по упорядочению написания и произношения иноязычных собственных и географических наименований, научным консультантом Всероссийского театрального общества, Гостелерадио СССР; членом Орфографической комиссии АН, готовившей «Правила русской орфографии и пунктуации».

Последние годы жизни Ожегова были омрачены нападками со стороны «коллег». Некоторые из них, особенно искусные в интригах, называли Сергея Ивановича «не ученым». Будь он более практичным, он, без сомнения, мог иметь «лучшую репутацию». Но Сергей Иванович был предельно далек от конъюнктурщины в науке.

Особая тема – увлечения Ожегова. Он был, что называется, весьма интересным мужчиной «не без индивидуальности», страстным, грациозным, влюбчивым. Юношеский азарт, притягательную силу «электрического» взгляда сохранял он всю жизнь. Любовь оставалась с ним неизменно. Вот как об этом писал сын, Сергей Сергеевич Ожегов: «Отзвуки молодости, своеобразное «гусарство» всегда жили в отце. Всю жизнь он оставался худощавым, подтянутым, внимательно следящим за собой человеком. Спокойный и невозмутимый, он был способен и на непредсказуемые увлечения. Он нравился и любил нравиться женщинам…»

О его душевных качествах свидетельствуют письма к Сергею Ивановичу, преисполненные сердечной благодарности. Вот одно из них – от работавшего в конце 1950 – начале 1960-х годов по договору в Секторе культуры речи Е. А. Сидорова (19 августа 1962 года): «С чувством не только глубокого удовлетворения, но и большого удовольствия пишу я Вам эти строки, дорогой Сергей Иванович, – вспоминая последнюю нашу беседу, не длинную, но такую душевную. Она, беседа эта – как и письмо Ваше, так меня растрогала, что сейчас вот я чуть не написал “мой дорогой друг”… Уж не обессудьте на этом! Но нельзя ведь не быть растроганным: новый наступающий – космический! (размах -то какой!) – век ничуть, видимо, не отражается на душевно-

Сергей Иванович Ожегов на отдыхе на Рижском взморье. Фото предположительно 1962 года / Фото: Из семейного архива

сти таких отношений, какие, к моей неподдельной радости, установились между нами».

Ожегова называли русским барином. Он обладал своей «поступью», имел изысканные манеры и всегда следил за своим внешним видом, по-особому присаживался и говорил. Его облик был удивительно гармоничен. Священническое лицо, аккуратная, с годами поседевшая бородка, манеры старого аристократа вызывали курьезные случаи. Однажды Сергей Иванович Ожегов, Николай Семёнович Поспелов и Наталья Юрьевна Шведова приехали в Ленинград и попросили таксиста отвезти их в Академию (наук). Таксист же, поглядев на Ожегова, поехал в …Духовную академию.

Последние годы Сергей Иванович не раз говорил о смерти, рассуждал о вечном. По воспоминаниям близких людей, во время нападок он не боролся с клеветниками и «не оспаривал глупца», но, испытывая боль душевную, плакал…

Сергей Иванович Ожегов скончался 15 декабря 1964 года. Он просил, чтобы его похоронили на Ваганьковском кладбище по христианскому обычаю, но это желание исполнено не было, и теперь его прах покоится в стене Новодевичьего некрополя.

В истории филологии имя Сергея Ивановича Ожегова – особенное. Ожегов один из тех ученых, имя которого сразу определяется с областью его научных интересов. Мы называем фамилию Ожегов и сразу подразумеваем Словарь, называем Словарь – подразумеваем Ожегов.

Уникальность Ожегова – в синтезе глубины и доступности. Он доказал, что серьёзная филология может быть не кабинетной абстракцией, а практическим руководством для миллионов. Не случайно его словарь, выдержавший при жизни автора 6 изданий, до сих пор переиздаётся – редкий случай, когда научный труд становится семейной реликвией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Ашукин, Н. С. Словарь к пьесам А. Н. Островского / Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов, В. А. Филиппов. – Москва : Веста, 1993. – 246 с.

Словарь к пьесам А. Н. Островского (репринт издания 1948 года). Эта книга – свидетель своей эпохи, трагической и героической. Ее задумали и начали работать над ней в канун Великой Отечественной войны три москвича, три русских интеллигента, объединенных любовью к России и ее культуре. В предисловии они сами написали о причинах, побудивших их взяться за такое сложное и необычное дело, как составление словаря к пьесам А. Н. Островского. Словарь получился удивительным. Его и словарем-то назвать трудно. Это целая энциклопедия русской жизни, ушедшей сейчас в далекое прошлое. Словарь читается, как увлекательная повесть.

Никитин, О. В. «В ответ на ваш запрос сообщаю...» : [К 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова] / О. В. Никитин // Русская речь. – 2020. – № 2. – С. 115-127.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка : около 60 000 и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под редакцией Л. И. Скворцова. – Москва : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2008. – 1327 с.

Данный словарь содержит лексику, активно используемую в различных сферах русского языка. Словарная статья включает толкование слова, примеры употребления его в речи, раскрывает его фразеологические и словообразовательные возможности, указывается ударение и в трудных случаях произношение, приводится стилистическая характеристика. В новое издание внесены значительные дополнения и исправления, связанные с изменением литературных норм в произношении и ударении; включены слова и термины, носящие архаический или узкоспециальный характер.. В него включено приложение «Дополнения в Словарю», содержащее более 3000 слов и выражений, отражающих изменения в политической и культурной жизни России

за последние 40-50 лет. Словарь рассчитан на самый широкий круг читателей.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под редакцией Л. И. Скворцова. – 27-е издание, исправленное. – Москва : АСТ : Мир и Образование, 2023. – 1359 с.

В новое издание Словаря вошло около 100 000 слов, научных терминов, диалектизмов и архаизмов, устойчивых фразеологических сочетаний; при этом сохранены общая структура и характер подачи материала. Новые слова и выражения отражают не только изменения в общественно-политической, научной и культурной жизни России за последние 40 – 50 лет, но и актуальные языковые процессы нашего времени. Словарь содержит лексику, активно используемую в различных сферах русского языка. Словарные статьи, которые в предыдущем издании были даны в специальном приложении, и новые дополнения распределены в общем тексте и выделены специальным полиграфическим знаком (-Ф-). Словарь рассчитан на самый широкий круг читателей.

Сергей Иванович Ожегов. 1900−1964 : [К 90-летию со дня рождения Сергея Ивановича Ожегова, советского лингвиста, лексикографа / материалы подготовила Л. К. Граудина] // Русская речь. – 1990 – № 4. – С. 90-98.

Скворцов, Л. И. Сергей Иванович Ожегов – человек и словарь / Л. И. Скворцов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 81-92.

Скворцов, Л. И. С. И. Ожегов / Л. И. Скворцов. – Москва : Просвещение, 1982. – 112 с. – (Люди науки).

В книге рассказано о жизни и деятельности замечательного советского лингвиста Сергея Ивановича Ожегова, автора широко известного однотомного «Словаря русского языка», организатора всесоюзной работы по культуре русской речи.

Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; [редколлегия : Н. Ю. Шведова и др.]. – Москва : Индрик, 2001. – 560 с.

Сборник «Словарь и культура русской речи» специально подготовлен к столетию со дня рождения С. И. Ожегова (1900-1964) — выдающегося лексикографа второй половины XX века, создателя знаменитого однотомного «Словаря русского языка», выдержавшего 23 издания; одного из составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова; первого (с 1952 года) заведующего сектором культуры русской речи в АН СССР и одного из деятельнейших создателей культуры русской речи как самостоятельной лингвистической дисциплины.

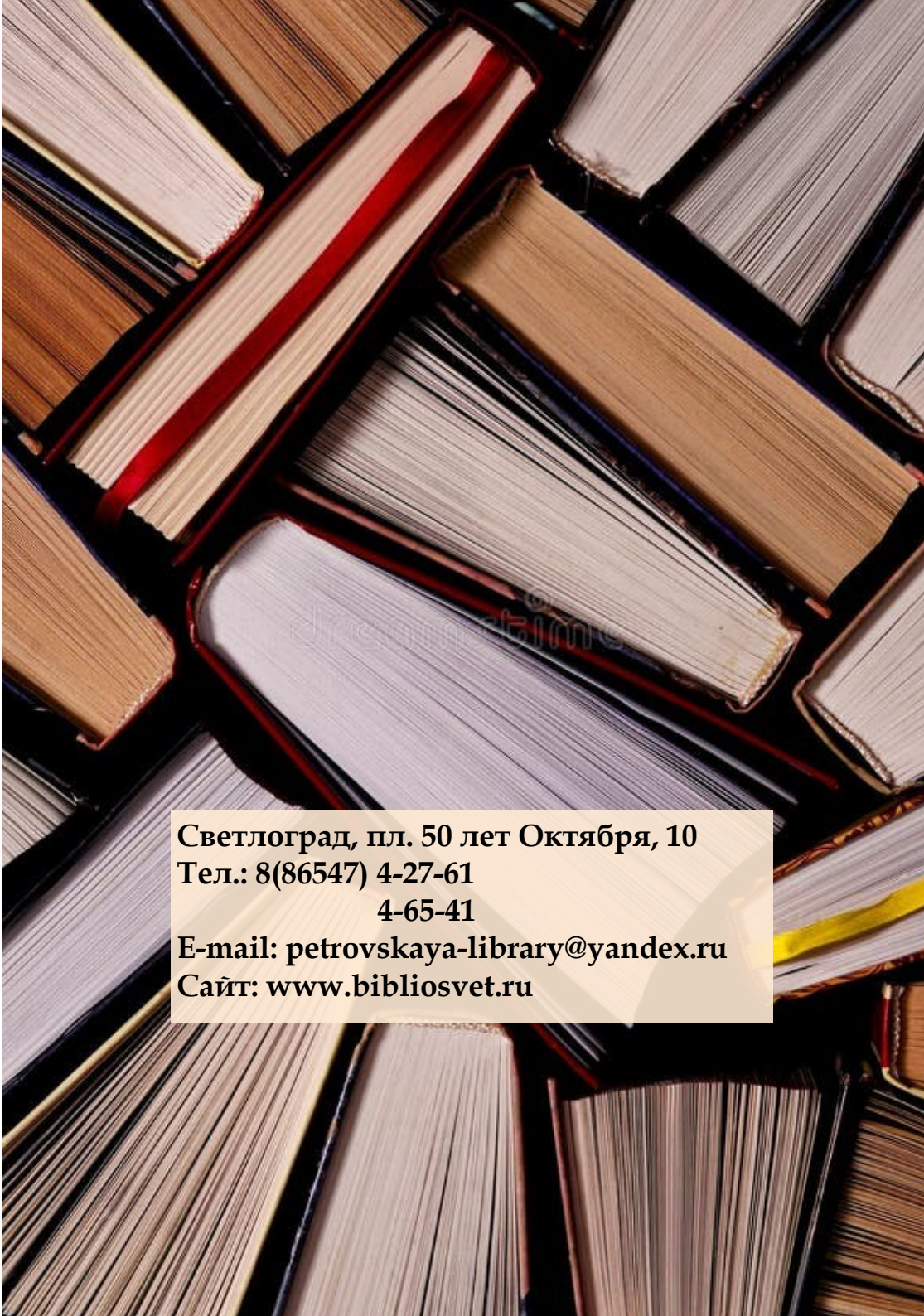
Сборник состоит из двух частей. Первая, основная, часть посвящена актуальным аспектам культуры русской речи. Она содержит статьи друзей, единомышленников, учеников и последователей С. И. Ожегова. Во второй части помещены не публиковавшиеся ранее работы и переписка С. И. Ожегова, хранящиеся в Архиве РАН.

Сборник предназначен для специалистов по русскому языку, филологов — преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех, интересующихся жизнью современного русского языка.

Шварцкопф, Б. С. О неизданном «Словаре к пьесам А. Н. Островского» / Б. С. Шварцкопф // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1973. – Выпуск 2 (март–апрель). – С. 105–207.

Никитин, О. Сергей Иванович Ожегов : [Очерк о судьбе и творчестве автора знаменитого «Словаря русского языка»] / О. Никитин. – URL : http://rusk.ru/st.php?idar=800181 – (дата обращения 11.09.2025).

«Хранитель родной речи» : библиографическое пособие / составитель Е. В. Ткаченко; МКУК «Петровская централизованная библиотечная система». – Светлоград, 2025. – 28 с.



Светлоград, пл. 50 лет Октября, 10
Тел.: 8(86547) 4-27-61
4-65-41
E-mail: petrovskaya-library@yandex.ru
Сайт: www.bibliosvet.ru